

— Говоришь, что хочешь стать актёром, но на самом деле живёшь за счёт съёмок фотографий. Я больше не хочу топтаться на месте, — вздохнул он. — Только приложив усилия, жизнь станет лучше. После этой съёмки меня узнают, у меня появятся доход и возможности. Мы будем жить лучше, тебе не придётся каждый день мучиться, возвращаясь домой глубокой ночью. Я сам хочу сниматься, хочу сделать этот шаг.

Я не нашёлся, что ответить, не зная, как возразить.

Я хотел сказать, что если он так упорствует и так предан своему делу, то однажды он обязательно добьётся успеха, станет большой звездой.

Но как мне это сказать? Как дать такие туманные обещания Сун Чэну, который живёт в тридцатиметровой квартире на окраине города?

Разве он не пробивался столько времени ради роли в актёрском составе? То, что он сейчас получил, для меня — пустяк, но это признание всех его предыдущих усилий. Как я могу так легко всё это отрицать?

Я не хочу быть эгоистом.

— Неужели нет роли получше?

Сун Чэн улыбнулся и покачал головой, поцеловал меня в губы и тихо произнёс:

— Будут. В будущем у меня будут хорошие роли, и у нас будет большой дом.

Но мне не нужен большой дом.

Я просто хочу защитить свою бабочку, чтобы её прекрасные крылья никогда не несли тяжёлого груза.

После того как Сун Чэн уснул, я вышел принять снотворное. Выпив таблетку, я временно не мог заснуть и, сидя на диване, листал телефон, отправляя сообщение Линь Я.

Она ещё не спала, участвуя в вечеринке, и быстро ответила:

[Что случилось?]

Я спросил, может ли она помочь Сун Чэну получить хорошие ресурсы. Она отправила смайлик, смешанный с улыбкой и плачем:

[Брат, ты забыл, что я ещё учусь? Я ещё не официально взяла на себя семейный бизнес, откуда у меня власть заниматься такими вещами? Ладно, я спрошу у друзей, или пусть твоя мелкая модель подождёт, пока я закончу учёбу через год.]

Я тоже почувствовал себя смешным, ведь я уже работаю, а обращаюсь за помощью к Линь Я, которая ещё студентка. Может, стоит обратиться к Сюй Юйчэну? Он бы точно помог, но я не хочу втягивать Сун Чэна в семейные разборки семьи Сюй.

Перебирая в голове все варианты, я понял, что мои связи слишком ограничены, людей с весомым словом мало, а тех, кто связан с шоу-бизнесом, и вовсе единицы.

Неспособность защитить своего любимого человека — это моё полное поражение в жизни.

Я продолжил листать список контактов, остановив палец на одном имени.

Фан Хуньюань.

Этот человек был знакомым, которого я встретил через Ян Чэня. Позже он добавил меня в контакты. Хотя мы виделись всего раз, он произвёл на меня хорошее впечатление, и я слышал от Ян Чэня, что он талантливый сценарист, человек гибкий и общительный.

Ян Чэнь... Даже после расставания он всё ещё влияет на мою жизнь.

Я знал, что семья Сюй имеет вес в сфере культуры и развлечений, но ни в коем случае не хотел использовать это имя. Поэтому сейчас мне срочно нужен канал, связывающий с ресурсами шоу-бизнеса, человек, который мог бы наладить связи. Остальное было бы уже проще.

Не знаю, может ли он стать подходящим ключом.

— Господин Сюй, пожалуйста, пройдите за мной.

Встретившая меня дворецкий была женщиной средних лет. Она плотно сжала губы и глубоко поклонилась мне.

Утром на работе я отправил Андрею сообщение, спросив, как у него дела. Он прислал мне свой адрес, сказав, что если я хочу узнать, как он сейчас, то должен сам приехать.

К счастью, вчера я закончил большую часть работы, и сегодня у меня было немного свободного времени. Я взял полдня отпуска у Сунь Нин и решил навестить этого младшего брата.

Не ожидал, что поездка займёт целых два с половиной часа. Когда я выехал на горную дорогу из пригорода города В, я уже начал сомневаться, не ошибся ли я направлением.

Я смотрел на виллу, скрытую на склоне горы. Хотя солнце светило ярко, горный ветер был холодным. В ушах звенели птичьи трели, а дыхание наполнялось влажной прохладой. Стоя здесь и глядя вдаль, я видел бесконечные горные хребты, почти не замечая следов города.

Может, мама купила здесь недвижимость, потому что любила эту уединённую тишину?

Я следовал за дворецким, входя в японский сад, простой и изысканный, с красивыми видами на каждом шагу.

Андрей, конечно, умел наслаждаться жизнью, но, к сожалению, я предпочитал китайский дизайн, считая, что такая искусственная компоновка немного расточительна для таких красивых пейзажей.

...Да и немного претенциозна.

— Молодой господин, господин Сюй прибыл.

Внутри виллы тоже всё было выдержано в японском стиле. Дворецкий привёл меня к двери кабинета и, опустившись на колени, тихо раздвинул раздвижную дверь. Я мысленно выругался на такое количество правил, поднял глаза и увидел Андрея, стоящего в комнате, устланной татами, и смотрящего на меня.

— Брат пришёл, — он был одет в свободный халат, всё так же холодный и отстранённый. — Входи.

Я переступил порог, и дверь за мной бесшумно закрылась. Комната находилась на первом этаже, балкон выходил на горы. На полу были разбросаны краски и кисти, на мольберте стояла незаконченная картина.

— Ты рисуешь?

— Да, — он взял кисть и продолжил рисовать, бросив на меня взгляд. — Брат, подожди немного.

— Ничего, я не тороплюсь.

Я тоже долго занимался искусством, поэтому с любопытством посмотрел, что он рисует, но увидел лишь зелёный мазок, прежде чем он загородил картину. На красивом лице Андрея появилось недовольство:

— Ты не поймёшь, не смотри.

— Я всё-таки занимаюсь коллекционированием произведений искусства, как могу совсем ничего не понимать? — меня задело его откровенное пренебрежение, и я смущённо сказал. — Но если ты не хочешь, то ладно.

Он помолчал, затем тихо произнёс:

— Я просто малюю, уровень невысокий.

— Я не знал, что тебе нравится рисовать. Наличие хобби — это хорошо.

Как должен вести себя старший брат с младшим? У меня не было других примеров, кроме того, как Сюй Юйчэн хорошо ко мне относился. Я старался подражать образу хорошего брата, улыбаясь ему:

— Если тебе нравится, в будущем можешь чаще ходить на выставки, я познакомлю тебя с учителями...

— Я уже ходил, брат, разве ты забыл? — он вдруг усмехнулся. — Ничего особенного, разве что на каждой выставке есть твой обнажённый торс?

Я глубоко вздохнул:

— Андрей...

— Но показать тебе можно.

Он ещё не успел меня рассердить, как отошёл от холста, позволив мне увидеть, что на нём изображено.

От светлого к тёмному, круги зелёного цвета накладывались друг на друга. Это не было похоже на бесконечные горы за окном, скорее напоминало бездонную пропасть.

Комната была в тени, снаружи светило солнце, но внутри царил странная мрачность, и я почувствовал необъяснимый страх перед этой картиной.

— Брат, как тебе?

Светлые волосы Андрея всё так же ярко выделялись. Он обнял меня за талию, приблизившись к моему уху и тихо спросил.

Его тёплое дыхание коснулось моей щеки, я очнулся и отступил на несколько шагов:

— Очень, очень хорошо. Да, ты хорошо рисуешь.

Он поднял бровь:

— Это называется хорошо?

— Конечно, — я снова мельком взглянул на картину. — Ты давно учишься? Штрихи тонкие, композиция оригинальная, хотя это ещё незаконченная работа, но видно, что это очень круто.

— Правда? Тогда ты не знаешь, как хорошо рисовала мама, — сладкая улыбка Андрея сделала его красивое лицо живым. — Папа устраивал для неё несколько крупных выставок. Мне больше всего нравилось, как она рисовала в саду, это было особенно красиво.

Я замолчал, ладони закололо, и я не знал, что ответить, только сказал:

— Хорошо. Я не видел маминых картин... но ты тоже хорошо рисуешь, по крайней мере, для меня это выглядит гениально, я бы так не смог.

Андрей повернул голову к пейзажу за окном и молчал, атмосфера стала непонятно тяжёлой.

Я подумал и серьёзно добавил:

— Если у тебя есть другие работы, я могу организовать для тебя персональную выставку. Пока ты живёшь в горах, можешь рисовать больше. Правда, мои возможности ограничены, и я не смогу сравняться с масштабами маминых выставок, но и не хуже, как думаешь?

Наконец он посмотрел на меня:

— Правда?

— Правда.

Я увидел, что его настроение улучшилось, и поспешно кивнул. Организовать выставку для меня не составляло труда, и если это могло улучшить наши натянутые отношения, то я был готов потратить любые деньги:

— Ты так хорошо рисуешь, было бы жалко не показать это миру, правда? Так, ты можешь рисовать в своём темпе, а я вернусь, определю тему и покажу тебе предварительный план...

— Ты не завидуешь?

Я опешил, встретившись с его холодным взглядом, и мне захотелось вздохнуть:

— А зачем мне завидовать?